

К 50-летию
ПИСАТЕЛЯ

ВЛЮБЛЕННЫЙ В ЛЮДЕЙ ДЕЛА

В чем только не выручал меня Иван Кондратьевич Загоруй, мой давнишний друг из Осинников. Звонит вчера:

— Чем занят? Все, поди, пишешь?

— Если бы. Мучаюсь. Не могу начать статью о Емельянове. Пятьдесят ему исполняется...

— Геннадию Арсентьевичу пятьдесят? Да быть того не может! Тридцать — другое дело. Он и в жизни, и в своих писаниях молод.

Благодарю Ивана Кондратьевича — подсказал начало статьи. Говорить надо о пятидесятилетии писателя Геннадия Емельянова, а он видится не только мне совсем молодым.

В чем же секрет его молодости? Наверное, в том, что еще никого не старили неунывание, остроумие, шутка.

С ним хочется быть. Впрочем, при первой встрече он кажется задиристым и скептическим. Вторая встреча заставляет сомневаться в первых впечатлениях, а потом вы уже будете искать случая увидеть его вновь, потому что начинаете понимать: все неприятное, замеченное при первом знакомстве — это лишь оболочка,

защищающая мягкость и нежность его души.

От него не устаешь, с ним легко и надежно, и приходит мысль: надо спешить что-то делать. Впрочем, не что-то. В том-то и штука, что, общаясь с ним, начинаешь ясно видеть, что и как надо делать.

Заглянет тебе в глаза, скажет:

— Не все, не ради громкости говорю... Так вот: о чем мы должны помнить постоянно, каждодневно, так это о матери-Родине. Родина — это все вокруг, но прежде всего — люди, мужики расейские.

Он любит это слово — «расейские».

Однажды нашел глазами на книжных полках тома Пушкина и Гоголя.

— Почему именно их перечитываем? Потому что в них все наше расейское, поданное искренне, без натуги и фальши. В их героев мы верим.

Не без удовольствия рассказывает об открытии, которое как-то сделал для себя:

— Тот хвалит одного зарубежного автора, другой — другого... Набрался духу и прочитал комплекты «Иностранной литературы». Все подряд прочитал. И что? Часто, надо отдать должное, мастерски

написано. Но холодно! Какая-то дряблость эмоций и увлечение формой. От ума идет. Наша же литература идет от жизни, от человека, и потому ядреная — лучшей не знаю. Признаемся честно: любим

мы, особенно по-молодости, втиснуть в свои писания что-нибудь броское, эффектно красивое, мудрено-заморское. Может, на что-то другое Емельянов и не обратит внимания, что-то простит автору, но снобизма, пижонства, эстетства — никогда. Высмеет, назнанку автора вывернет. И если ты не враг себе — не перечь ему...

Но если у тебя же заметит удачно подмеченное «расейское» — похвалит и ненавязчиво, с некоторой робостью даже предложит какое-нибудь уточнение. Автор себя ладошкой по лбу: как я сам-то не подумался до этого?

Меня удивляет его ясновидение. То, что ты искал в мучениях, он походя снимет с рясного дерева жизни и подает тебе детальку, живую, сочную, яркую, рукой бескорыстной и главное — неунижающей рукой.

— Это святое дело, — помогать друг другу... Помогать же молодым — обязанность старших. Нам мало в свое время помогали, во всяком случае, мне. Так пусть нынешние ребята не испытывают нужды во внимании и заботе.

Скажу со всей определенностью: молодые прозаики южного куста нашей области

такой нужды не знают. Куст этот в писательской организации так и называют — емельяновский.

Звонит:
— Как живешь, как дела твои протекают? — его всегда донимает какое-нибудь словечко. Сейчас, чувствую, донимает его слово «пронесткарь». Предлагаю: оторвись от стула и приезжай. По Записку полагим, хороших расейских людей покажу...

Советует:
— Никогда не рассказывай замыслов, не рассказывай того, что сейчас пишешь: выговоришься — охладеешь к героям. Проверено.

Проверено, а я всегда знаю, о ком он пишет, что собирается писать. Ум советует одно, а душа требует другого. Влюбленная душа. У нее одна направленность — к предмету любви. Хочется, чтобы об этом предмете узнали все и тоже полюбили бы. Прошлой весной Емельянов с увлечением рассказывал мне о записи в книжках умельцах-механиках, а немного времени спустя я читал большой очерк писателя «О людях, которые не обманывают свою работу».

Читал я об этих, уже знакомых мне людях и все силился

вспомнить, кто из больших сказал, что все влюбленные талантливы? Герои очерка были влюблены в свое дело, автор — в героев. А до механиков Геннадий Арсентьевич много рассказывал мне о проделках одного лукавого юноши, и о другом юноше, тоже в общем-то лукавом, по-тихому лукавом, увлекшемся точными науками. Позже я встретился с ними и другими интересными героями на страницах фантастической повести Геннадия Емельянова «Истина на камне».

Писатель, хочет он того или нет, а в своих произведениях в значительной мере пишет самого себя, то есть свой внутренний мир, свое миропонимание, в героев вселяет свои черты. Мне нравятся герои писателя Емельянова. Нравятся те, что изображены уже в его первой художественной книжке «Друг Серега», которую сам-то он не очень любит теперь вспоминать; нравятся герои романа «Берег правый», повестей «Далекое города», «Бабын летом», «Хочу удивляться». Особенно люблю героев его последних — самых, на мой взгляд, зрелых произведений «В огороде баня», «Медный таз из сундука», «Истина на камне». В произведе-

ниях Емельянова невыдуманная боль и радость, веселье и грусть, удивление и разочарование. И читатель по достоинству и с благодарностью оценивает это. Но почему-то не оценивают этого наши местные критики... Впрочем, не тот случай, чтобы говорить об этом.

Звонок. Открываю дверь. Застенчивый Володя Сухацкий, начинающий прозаик, видит в моих руках «В огороде баня», говорит:

— Такое впечатление, что в эти дни все только и делают, что читают Емельянова. Его книги, какие у меня есть, все друзья разобрали. Сегодня и журнальные варианты раздал. Приходит Володя любит по делу. Вынимает из портфеля рукопись.

— Я без претензий, — смущенно говорит Володя. — Прочитал в альманахе «Огни Кузбасса» повесть Емельянова, захотелось изложить свои мысли.

Винюват. Емельянова читают и о Емельянове пишут. Вот и я, кажется, написал. Как мог. Осталось лишь от имени всех писателей Кузбасса (по их поручению пишу) поздравить Геннадия Арсентьевича с пятидесятилетием и пожелать... Что желают в таких случаях писателям? Новых книг, конечно, ибо в чем писательское счастье, как не в книге, которую заметили читатели и полюбили.

В. КУРОПАТОВ.

гг. Новокузнецк — Кемерово.